

ИСТОРИЯ американского летчика Клода Изерли, который участвовал в первой атомной бомбардировке и признал себя виновным в преступлении против человечности в то время, как все вокруг кричали о величии науки и техники, эта история известна во всем мире, но без особых подробностей. Американцы аккуратно лоят Изерли всякий раз, когда ему удается сбежать из сумасшедшего дома, лоят и возвращают на место, но при этом им все-таки немножко стыдно за эту историческую необходимость, и они предпочитают о ней не распространяться.

В то время как простая человеческая мораль (и в том числе мораль христианская) с большим сочувствием относится к тем, у кого «душа болит», политическая мораль, приспособленная для пропаганды, идет на жульничество и подлость, превращая боль души в душевную болезнь. Разница маленькая, а выгода большая. Однако о выгоде американцы, естественно, помалкивают, а о разнице, поскольку она маленькая, пишут совсем помалу. И мы знаем о Клоде Изерли почти исключительно из коротких газетных заметок. Были и более обширные публикации (например, в «Иностранной литературе», № 8 за 1962 г.), но их удельный вес в общем количестве информации по данному вопросу невелик.

Идите в театр. Многие важные подробности этой человеческой судьбы и этой моральной позиции вам расскажут и покажут в новом спектакле Московского театра сатиры «Процесс Ричарда Ваверли».

Автор этого «сценического репортажа в двух частях» Рольф Шнайдер изменил имя летчика, бомбившего Хиросиму и ставшего потом жертвой своей совести и чужой бессовестности. Изменение имени дало автору право на художественный домысел. Однако психологическая достоверность происходящего не подложит сомнению. Да и фактическая тоже. Об этом свидетельствует надпись большими белыми буквами на черной доске около сцены:

— Суд присяжных города Далласа штата Техас, пытаясь найти приемлемое решение о душевном состоянии американского летчика Изерли, сбросившего атомную бомбу на Хиросиму, подверг его судебному следствию.

В ходе этого следствия перед зрителем проходят

КОМУ СЕГОДНЯ НЕ СПИТСЯ

генерал авиации и полицейский инспектор, брат и бывшая жена ненормального летчика, ученый-психиатр и ученый-историк. У каждого свои мотивы для признания Ричарда Ваверли душевнобольным, но под напором вопросов адвоката Андерсона (его играет Г. Менглет — это и лучшая роль в пьесе, и лучшая актерская работа в спектакле) эти «мотивы» перестают быть «своими»: корысть есть у каждого, но обвиняют и лжесвидетельствуют они «не корысти ради, а только волею» перемоловшей их политической машины.

Ричард Ваверли давно хотел предстать перед судом. Он считает себя преступником, таким же, как те, кого судили в Нюрнберге. Когда в американских газетах его называли героем и печатали его портреты, он как раз и пытался поехать на Нюрнбергский процесс, чтобы его там судили вместе с нацистами. Не вышло. Чтобы попасть хоть под какой-нибудь суд, Ваверли становился то грабителем, то нарушителем правил уличного движения. Но его почему-то никогда не судили. Когда он по своей воле приходил в психиатрическую клинику, его принимали, но, когда он по своей воле оттуда уходил, его задерживали. Когда он усыновил летящих сирот Хиросимы — от него ушла жена. А когда он все-таки попал под суд — это оказалось совсем не то разбирательство, которого он добивался.

Потому что его преступление — это преступление

Америки. И раз Америка не признается в этом преступлении, Ваверли — предатель и должен быть устранен. И раз Америка намерена продолжать свои преступления, Ваверли должен быть устранен не путем явного насилия, а по закону.

Но пьеса показывает не победу закона, хотя бы и несправедливого, а победу круговой поруки «нормальных людей», прекрасно уживающихся со своим нормальным государством. Все свидетели, а потом и все присяжные чувствуют, что большая правда — не «американская», приспособленная к целям холодной войны и грязной политики, а настоящая, всеобщая — на стороне этого сумасшедшего. Но это чувство как раз и заставляет их бояться, ненавидеть и преследовать Ричарда Ваверли.

— Мы совершенно не могли спать! — рассказывает суду Чарльз Ваверли о том, как метался и стонал его брат.

— Я совершенно не могла спать! — кричит Глэдис Ваверли, вспоминая ужасную жизнь со своим мужем, которым она вначале так гордилась. А потом он усыновил целую ватагу этих сопливых желтых.

А спать надо. Спать хочется. И, отдав должное мастерству, с которым адвокат Андерсон доказал, что Ричард Ваверли абсолютно здоров и его трагедия в том, что он первым почувствовал ужасный смысл атомной бомбардировки Хиросимы, а теперь это начинают чувствовать уже многие, отдав должное железной логике, юридическому красноречию и гражданскому темпераменту, присяжные единогласно признают Ричарда Ваверли душевнобольным и постановляют отправить его в больницу.

В пьесе Шнайдера есть схематизм, в постановке молодого режиссера Зигфрида Кюна есть риторическая выпренность, но все это — частные недостатки профессионального мастерства. Было бы лучше, если бы пьеса и спектакль получились более совершенными, но было бы хуже, если бы их вовсе не было. Разоблачение мирного сосуществования обывательской морали с моралью империализма, круговой поруки тех, кто хочет спать, и тех, кто стремится уснуть, есть серьезный вклад театра сатиры в современную борьбу идей.

А. АСАРКАН.